

438
л

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ

На правах рукописи

УДК 801.55:809.411+809.423

ЧАРЕКОВ
Сергей Леонидович

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ
СУФФИКСОВ В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ**
(на материале эвенкийского и бурятского языков)

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ: 10.02.02 — ЯЗЫКИ НАРОДОВ СССР
10.02.16 — МОНГОЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

№ 3829 от 23.11.89г.

ЛЕНИНГРАД
1989

Диссертация выполнена в отделе алтайских языков Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР.

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор А. Н. ЖУКОВА

доктор филологических наук Г. Ц. ПЮРБЕЕВ

доктор филологических наук В. И. РАССАДИН

Ведущая организация — Ленинградский ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени Государственный университет.

Защита диссертации состоится « » 1990 г.
в 14 час. на заседании специализированного совета Д 002.17.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР (199053, Ленинград, Тучков пер., 9).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ЛО ИЯ АН СССР.

Автореферат разослан « » 1990 г.

Ученый секретарь специализированного совета
доктор филологических наук З. М. ПЕТРОВА

Общая характеристика работы

Актуальность темы реферлируемой диссертации определяется отсутствием в научной литературе по алтайским языкам специальных исследований, касающихся функционального развития словообразовательных, формообразующих и словоизменятельных формантов, их семантической эволюции и вопросов семантического взаимодействия корня (основы) и суффиксов.

Цель и задачи настоящего исследования состоят в монографическом описании многочисленных фактов, свидетельствующих о развитии суффиксов, что отражается в их полисемантизме, поливалентности и полифункциональности, а также таких явлений, как семантическая эволюция суффиксов, включающая и их десемантизацию.

Методика исследования. В работе использованы методы лингвистического описания, обеспечивающие анализ семантики соответствующих морфем, специфики их функционирования и развития: сравнительно-сопоставительный метод, метод синхронного анализа, а также метод компонентного анализа сложных морфологических единиц.

Материалами исследования послужили экспедиционные записи автора и данные монгольских и тунгусо-маньчжурских словарей, а также факты, представленные в опубликованных работах по исторической и синхронной морфологии всех трех групп алтайских языков. Общее количество словоформ, включающих существительные, прилагательные и наречия, по всем рассматриваемым языкам составляет около десяти тысяч примеров.

Научная новизна данной работы заключается в следующем. Впервые в алтаистике в центре внимания оказывается исследование на материале двух языков семантики формантов в ее развитии, причем выделяются этапы такой эволюции, демонстрируется последовательный переход от одного значения к другому. Рассматриваются системные основы и предпосылки грамматического развития суффиксов, перехода от одной их функции к другой. Также впервые синкретические формы анализируются с семантической точки зрения, проводится классификация этих форм.

Теоретическая значимость работы состоит в возможности при-

менения выводов, сделанных на основе анализа многочисленных фактов, для выявления сущности агглютинативной суффиксации, что необходимо при типологической классификации языков и определении места алтайских языков в ряду других агглютинативных. Многие разделы работы непосредственно связаны с проблемой классификации частей речи в алтайских языках, которая до сих пор является дискуссионной.

Материалы работы могут также быть использованы для уточнения гипотезы генетического родства алтайских языков и при установлении общего происхождения или типологического сходства отдельных формантов в сравнительно-исторических исследованиях.

Практическое применение. Результаты исследования могут найти широкое применение при составлении описательных и сравнительных грамматик, в работах, посвященных проблемам общего языкознания, в лекционных курсах и на семинарских занятиях по монгольским и тунгусо-маньчжурским языкам, при создании учебников и методических пособий для высших и средних учебных заведений.

Апробация работы и публикации. Основные положения работы докладывались на трех международных конференциях: 1) I международном симпозиуме ученых социалистических стран "Теоретические проблемы восточного языкознания" (Москва, 1977), 2) XXIX сессия ШИАК "Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности" (Ташкент, 1986), 3) V международном конгрессе монголоведов (Улан-Батор, 1987); на семи всесоюзных конференциях: 1) "Проблемы алтаистики и монголоведения" (Элиста, 1972), 2) конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Т.А.Бертагаева (Москва, 1975), 3) "Джангар и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов" (Элиста, 1978), 4) конференции, посвященной 100-летию со дня рождения академика Б.Я.Владимирцова (Москва, 1984), 5) тюркологической конференции (Алма-Ата, 1976), 6) V тюркологической конференции (Фрунзе, 1988), 7) конференции "Владимирские чтения" (Москва, 1989); также на "Герценовских чтениях" в ЛПИ им. А.И.Герцена (Ленинград, 1981, 1983, 1984), "Авроринских чтениях" в ИИФФ (Новосибирск, 1983). Доклады по теме работы были прочитаны

также на заседании кафедры монгольской филологии в Ленинградском государственном университете (1984), на заседании лаборатории тюркологии и монголоведения ИЯ АН СССР (Москва, 1985, 1986, 1987). Работа обсуждалась на заседаниях отдела алтайских языков ЛО ИЯ АН СССР.

По теме работы опубликовано более двадцати статей, а также монографическое исследование "Наречие в монгольских языках в сравнении с другими алтайскими языками" ("Грамматические исследования по отдельным алтайским языкам", Л., 1989, объемом около десяти авторских листов).

Объем и структура работы. Работа состоит из Введения, трех глав и Заключения. Общий объем работы 302 машинописных страниц, из них 287 страниц основного текста и 15 страниц библиографии, включающей 180 наименований.

Основное содержание работы

Введение. Под агглютинацией принято понимать способ соединения морфем в слове, при котором обычно не прослеживается нарушение фонетических границ стыкующихся морфем. С содержательной же стороны агглютинативным суффиксам часто приписывается однозначность и относительная семантическая самостоятельность. Среди ведущих свойств агглютинативных суффиксов, определяющих их "самостоятельность" и "автономность", выявились такие качества, как полифункциональность и полисемантичесность, то есть качества, явно противоречащие основному требованию — однозначности. Однако при этом не учитывалось, что и полифункциональность и полисемантичесность агглютинативных суффиксов проявляется в сочетании с различными основами, в то время как в каждом конкретном случае употребления они, как правило, остаются однозначными. Этот факт побуждает обратить внимание не только на влияние суффикса на семантику и грамматическую категорию основы, но и на обратную зависимость — зависимость семантики суффикса от основы, что ранее не становилось предметом исследования.

В исследовании суффиксальных морфем алтайских языков сформировалось два традиционных направления. Во-первых, опи-

сание суффиксов с фиксацией их значений и сферы употребления. В первую очередь эта работа проводилась для малоисследованных бесписьменных языков. В таких исследованиях семантика суффикса фиксировалась в ее статике, то есть перечислялся ряд значений, но эти значения не рассматривались в их развитии и взаимосвязи. Вторым направлением было и остается сравнительно-историческое исследование как внутри каждой из трех групп языков, так и в более широком, собственно алтаистическом плане. При этом в центре внимания находится обычно внешняя сторона суффиксов — их фонетический состав, рассматриваемый в развитии — как это и делается при сравнительно-исторических исследованиях алтайских языков.

Таким образом, семантическая эволюция суффиксов оставалась вне поля зрения исследователей, хотя именно это явление и представляет значительный интерес и способно составить самостоятельное направление в области морфологических исследований. Однако специальных исследований, имеющих целью изучение именно семантической эволюции суффиксов, то есть постепенного, "плавного" изменения значений и выявления причин этих изменений, не предпринималось.

Приводившиеся во многих работах факты полисемии и полифункциональности затрагивают указанную проблему лишь попутно, преследуя, в основном, иные задачи и цели. Но если эти факты встречаются регулярно и достаточно многочисленны, то естественно задаться вопросом: представляется ли возможным проследить последовательные этапы перехода от одного значения к другому, сохранились ли в языке промежуточные ступени между двумя различными значениями, каковы причины и пути семантических изменений, претерпеваемых конкретными суффиксами и т.п. То есть возникает круг проблем, связанных именно с эволюционным движением семантики, что не может быть менее значимым для лингвистических исследований, чем, допустим, фонетическая эволюция тех же самых суффиксов.

Отмечая необходимость изучения такой семантической эволюции, необходимо подчеркнуть, что семантика суффиксов неотделима от их функции в слове. И если семантика влияет на функционирование данной морфемы, то и ее функционирование,

в свою очередь, ведет к определенному изменению семантики. При этом функцией суффикса может быть словообразование, формообразование и словоизменение; семантика подразделяется на грамматическую (или категориальную) и собственную (или индивидуальную) семантику. Сочетание функции и семантики и определяет общую характеристику каждого форманта, в то время как эволюция его заключается в изменении того или иного вида семантики или же в переходе от одной функции к другой.

Другим, не менее важным, чем полифункциональность, свойством агглютинативных суффиксов является их поливалентность — способность присоединяться к словам, относящимся к различным грамматическим разрядам — существительным, прилагательным, наречиям и др. Расширение сферы употребления (то есть увеличение валентности) конкретного суффикса ведет к известным семантическим сдвигам в его собственной семантике и, тем самым, оказывается одним из факторов, определяющих его семантическую эволюцию.

Валентность агглютинативных суффиксов следует отличать от другого их свойства — сочетаемости, то есть способности присоединяться к словам, принадлежащим к различным лексическим группам внутри одного грамматического разряда слов. Изменение семантики суффикса, его эволюция, происходят и в этом случае, так что оба эти явления близки, хотя и обладают собственной спецификой.

К фактам функционально-семантического развития суффиксов можно отнести и такое явление, как образование сложных суффиксов, состоящих из двух или более самостоятельных формантов и выражающих значение, отличное от суммарного значения этих формантов в отдельности, а также и десемантизацию суффиксов.

Перечисленные выше свойства суффиксов относятся к содержательной, а не к формальной стороне агглютинативной суффиксации, что не означает отсутствия связи между семантическими свойствами суффиксов и способом их присоединения к корневым основам или к производным словоформам. Четкая ограниченность от других морфем позволяет суффиксу не только сохранять свою индивидуальную семантику, но и дает возможность для ее развития, эволюционирования. Семантическая эволюция суффиксов ока-

зывается в какой-то мере аналогичной эволюции самостоятельно-го слова, что позволяет в обоих случаях говорить о полисемии как слов, так и суффиксов. Таким образом, относительная семантическая самостоятельность суффиксов поддерживается формальной стороной — способом присоединения, но и сама их самостоятельность, по всей видимости, способствует последовательному разграничению морфем слова.

Исследование содержательной стороны агглютинативной суффиксации требует рассмотрения конкретного материала "от суффикса", то есть выявления всех случаев употребления соответствующего форманта, независимо от его функции, семантики и валентности. Лишь таким способом можно получить достаточный материал для всесторонней характеристики суффикса. Дальнейший анализ рассматриваемого суффикса состоит в выявлении его основной функции и семантики в тех примерах, в которых однозначность конкретного употребления не вызывает сомнений. Таких "ядерных" значений может быть два и более. Остальные примеры, в которых данный суффикс может быть истолкован неоднозначно, рассматриваются как переходные и располагаются в последовательности, демонстрирующей переход от одного значения к другому. Эти переходные случаи и имеют решающее значение для исследования эволюции суффиксов, а их анализ представляет центральную задачу настоящей работы. Здесь необходимо подчеркнуть, что именно такие переходные явления, не допускающие однозначной трактовки, оказываются вне поля зрения исследователей при описании языковых явлений в статике. При эволюционном подходе подобные неоднозначно трактуемые факты не отбрасываются и не втискиваются насильно в ту или иную заданную ядерную систему, а занимают свое, логически обоснованное, место в соответствующей цепи фактов, объединяющих несколько ядерных явлений. Такой подход позволяет использовать для анализа все конкретные случаи функционирования рассматриваемых суффиксов, создавая своего рода практически "безотходную технологию" описания частных языковых систем/подсистем. Этот способ и составляет основу описания суффиксов в данной работе.

Некоторые комментарии необходимы и к другим принципам

описания материала. В частности, это касается проблемы синхронии и диахронии. В основном исследование строится на современном материале, но, как и в любом синхронном срезе языка, в производных формах присутствуют пласты лексики разной хронологической соотнесенности, в которых выявляются первичные, наиболее древние, значения суффиксов, а затем и слои с более поздней семантикой. Таким образом, в целом работа, оставаясь по преимуществу синхронной, включает в себя элементы исторического подхода, заключающегося в своего рода внутренней реконструкции семантики суффиксов. Необходимость подобной реконструкции вызвана отсутствием маньчжурских и монгольских письменных памятников достаточной древности, которые демонстрировали бы первоначальную семантику формантов, реконструируемую на основе семантического анализа различных групп лексики. Имеющиеся памятники письменности являются относительно поздними и, как правило, показывают небольшие различия (по крайней мере в сфере семантики суффиксов) с современным состоянием языка. Вместе с тем иногда в работе, для подтверждения тех или иных выводов или фактов, привлекаются данные исторических исследований.

Необходимо также отметить, что хронологические дефиниции в работе носят относительный характер, при котором лишь устанавливается, что одно значение предшествует другому или какие-то явления возникают раньше или позже других. Абсолютная хронологизация с указанием веков, к которым относятся те или иные факты развития морфем, по имеющимся материалам, не представляется возможной.

Выделение первичных и вторичных значений подробно обосновывается при описании каждого из суффиксов, однако основным критерием во всех случаях является степень конкретности/абстрактности значений всей словоформы или морфемы. Предполагается, что первичные значения являются более узкими, конкретными, а дальнейшая их эволюция приводит к расширению их значений, развитию в них большей степени отвлеченности и обобщенности. Этот принцип позволяет не только определить последовательность возникновения ряда значений каждого конкретного суффикса в отдельности. При таком анализе большого количества

суффиксальных морфем выявляются общие черты их эволюции, а вся совокупность суффиксов представляется в виде определенной системы, поддающейся классификации по тому же принципу конкретности/абстрактности (см. глава II, раздел I). При этом некоторые, наиболее продуктивные, суффиксы (напр., суфф. -тай) своей индивидуальной эволюцией наглядно демонстрирует развитие всей системы в целом, входя в каждый из разрядов классификации. Такие примеры оказываются убедительным подтверждением основного принципа качественной классификации суффиксов - принципа конкретности/абстрактности. Эволюционный метод и в этом случае позволяет найти логически обоснованное место для некоторых промежуточных, неустоявшихся значений конкретных суффиксов, например, некоторых падежных формантов, занимающих место между словообразованием и словоизменением (форманты дательного-местного, родительного падежей бурятского языка).

Продуктивность эволюционного подхода проявляется и в решении такого сложного вопроса, как классификация частей речи. При таком подходе так называемые "синкретические", "нерасчлененные" формы рассматриваются как промежуточные между однозначно определившимися грамматическими разрядами слов - существительными, наречиями, прилагательными (см. глава III, раздел I). Причем эта промежуточность, переходность определяется исключительно семантикой данной категории слов.

Роль семантики оказывается ведущей и в таком, едва ли не основополагающем вопросе, как выявление движущих сил семантической эволюции, причин, влияющих на развитие и изменение значений отдельных слов и морфем. Такой движущей силой эволюции оказывается именно взаимовлияние, взаимодействие семантики основы и семантики суффикса к ней присоединяемого (глава I, раздел 5). Причем, если влияние суффикса на основу достаточно очевидно и хорошо изучено, то обратное влияние (основы на семантику суффикса) практически не исследовано вообще.

Таковы основные принципы, положенные в основу исследования. Более подробно все эти принципы и методы аргументируются в основном тексте работы, параллельно с анализом конкретного материала, поясняющего и подтверждающего их.

Все отмеченные выше проблемы рассматриваются в первую очередь на основе неглагольного словообразования и словоизменения. Основным материалом для анализа служат имена прилагательные, существительные, наречия, местоимения, числительные, послелоги и другие грамматические разряды слов. Этот выбор вовсе не означает принципиального отличия неглагольного словообразования от глагольного. Напротив, все предварительные данные свидетельствуют об общих основах функционально-семантической эволюции суффиксов как в глагольном, так и в неглагольном словообразовании. Однако в глагольном словообразовании присутствует и своя специфика, связанная с большей степенью отвлеченности значений глагольных морфем, в силу чего эта сфера словообразования может быть выделена в самостоятельный объект исследования.

Функционально-семантическая эволюция суффиксов рассматривается в основном на материале бурятского и эвенкийского языков, что не исключает привлечения данных других тунгусо-маньчжурских и монгольских языков. Выбор одного языка как представителя целой группы основывается на большой близости всех языков внутри каждой группы. Эта близость, особенно, когда дело касается таких крупномасштабных проблем, как направление и пути эволюции прослеживается особенно отчетливо. Многие типологические особенности, рассматриваемые в работе, также оказываются присущи всем языкам данной группы и, даже, общими для двух групп алтайских языков. К тому же, в необходимых случаях, привлекаются данные других монгольских и тунгусо-маньчжурских языков для демонстрации как совпадения каких-либо явлений, так и для выявления особенностей какого-либо одного языка. Более детальное исследование семантического и функционального развития суффиксов в отдельных языках каждой группы и их сопоставительное изучение представляет собой самостоятельную задачу.

Для сравнения в работе также привлекаются материалы тюркских языков, опубликованные в монографиях, лингвистических сборниках и журнальных статьях.

Глава I. Развитие агглютинативных суффиксов. Данная глава состоит из пяти разделов, в которых рассматривается ряд

тесно связанных между собой, но тем не менее четко выраженных явлений.

1. Семантическая эволюция. В разделе выявляются пути, по которым идет семантическое развитие отдельных формантов, то есть изменение их собственной семантики или же их категориального значения.

Эвентийский суффикс -чй, присоединяясь к именам существительным, передает значение "имеющий нечто", "обладающий чем-либо": бэкэчй "имеющий горб (горбатый)", нулгичй "имеющий жену (женатый)". Подобные слова составляют исходную группу с первоначальным узко-конкретным значением суффикса -чй. Слова этого типа допускают двойственную трактовку - как существительные с суффиксом принадлежности и как имена прилагательные.

В следующей, наиболее многочисленной, группе слов значение суффикса -чй приобретает более отвлеченный характер: давагучй "соленный", дёлочй "счастливый", удучй "дождливый", чинчй "сильный". В первой группе прилагательных обладателем чего-либо является конкретное, чаще всего, одушевленное лицо. Предмет обладания - также нечто конкретное. Во второй группе предметом обладания могут быть и абстрактные понятия - дёл "счастье", чинэ "сила". Прилагательные второй группы обозначают не столько наличие какого-либо предмета в его реальности, сколько наличие качества, связанного с каким-либо исходным предметом. Так, давагучй - "не имеющий соль", а "обладающий вкусом (то-есть качеством) соли"; дёлочй - не "обладающий счастьем, а "ощущающий счастье".

Примером следующего этапа развития абстрактного значения данного суффикса могут служить прилагательные, семантика которых приобретает расширенное значение с еще большей степенью абстрагированности. Значение обладания чем-либо в производных прилагательных сохраняется, хотя носит более определенный характер. Так, если абду "скот, имущество, вещи", то абдучй - обладающий всеми предметами - безусловно "богатый"; булэ "болото", но болото обладает свойством быть топким, и потому булэчй - не "имеющий болото", а "обладающий свойством болота" - "топкий"; если вэктэ "добыча", то вэктэчй - не просто "имеющий добычу" в данный момент, а более обобщенно - "удачливый" вообще.

В четвертой группе прилагательных связь с семантикой исходной формы почти утрачивается: гирамначй "стройный" (гирамна "кость"), дбчй "наполненный" (дб "нутро", "внутренность"), дылчй "умный" (дыл "голова"), эрүчй "виновный" (эрү "зло, беда, несчастье, горе"), кэрэкчй "нужный" (кэрэк "вещь").

На примере этих четырех групп прилагательных в значении суффикса -чй прослеживается постепенный переход от конкретного, предметного значения (обладание чем-либо) к абстрактному, обобщенному грамматическому значению суффикса прилагательных. Причем сфера действия этого суффикса ограничена в основном существительными, хотя развилось грамматическое значение его дало возможность образованию прилагательных и от некоторых других разрядов слов: джчй "двухлетний" (джр "два"), инңүчй "звучный" (инңу= "звучать"), мёвүчй "сердитый, злобный", мёвү "горячий, вспыльчивый".

Другой путь развития демонстрирует суффикс -рйн. Наиболее архаичной можно считать группу прилагательных с омертвевшими основами, обозначающими цвет: чутурйн "зеленый", чулбарйн "синий" и т.п. Основываясь исключительно на подобных примерах, можно было бы сделать вывод о том, что -рйн представляет собой архаичный суффикс с узким значением, обозначающий прилагательные цвета и не более того. Однако существует и небольшая группа прилагательных с тем же суффиксом, характеризующих предмет с точки зрения зрительного восприятия, близкого к цветовому: арурйн "бледный", гилбэрйн "блестящий", лупчурйн "темный". В этой группе прилагательных основы не являются изолированными -- от них образуются существительные и глаголы. Тем самым и функция суффикса -рйн как суффикса прилагательного выявляется более отчетливо.

Третья, наиболее многочисленная группа прилагательных также характеризует предметы по их внешнему виду, но уже не только по цвету, но также и по форме, фактуре, характерным признакам: сэвэрйн "шершавый", могдорйн "сгорбленный", дяндырйн "морщинистый", мадырйн "кривоногий", нэптырйн "широкий" и т.п. Присоединение суффикса -рйн к большому ко-

личеству основ с самой разнообразной семантикой окончательно закрепило за ним значение словообразовательного форманта имен прилагательных, что и дало впоследствии возможность возникновению немногочисленной четвертой группы прилагательных, характеризующих предмет уже не по внешнему виду, а по его качествам, свойствам: сэксэрин "легкий", нилборин "скользкий", белчарин "энергичный".

Таким образом, развитие суффикса -рин шло в основном по пути расширения семантических групп прилагательных, объединенных общим значением характеристики предмета по зрительному восприятию от цвета к форме, и завершилось единичными случаями образования прилагательных, характеризующих внутренние качества или свойства предмета или человека.

Такой путь эволюции суффиксов может быть связан с адъективизацией некоторых, например, причастных форм, в результате чего суффикс причастия получает возможность выступать и в роли словообразовательного суффикса прилагательных. Однако адъективизация даже и большого количества причастий еще не приводит к формированию у причастного суффикса значения словообразовательного форманта имени прилагательного. Значение прилагательного в этом случае возникает не под влиянием суффикса, а благодаря атрибутивному употреблению всей словоформы. Но, тем не менее, адъективируясь, причастия могут приобретать относительную независимость от семантики исходной основы. Семантический сдвиг приводит к возникновению самостоятельного имени прилагательного, омонимичного исходному причестию. Например, эвенк. кадавча I. "сдавленный", "стесненный", 2. "принужденный" от кадав= "вбитый". Существование подобных прилагательных, с варьирующимся при адъективизации значением, дает возможность развитию у суффикса -ча нового грамматического значения суффикса имен прилагательных.

Аналогичным образом обстоит дело и в бурятском языке. Ряд адъективированных причастий с суффиксом -һан по своей семантике непосредственно и однозначно связан с исходной глагольной формой, и их принадлежность к разряду прилагательных выявляется в контексте по функции в предложении, напр., хайлаһан "растаявший", "талый" (хайла= "таять"). Собственно прилагательные с этим же суффиксом по своей семантике дальше отстают от

исходной формы и обладают более широким и более обобщенным значением: асууһан "вопросительный" (асуу= "спрашивать"), хаагалһан "истощный" (хаалгал= "каркать"), хабсарһан "сложный" (хабсар= "складывать").

В этих словоформах суффикс -һан оказывается суффиксом прилагательных, обозначающих признаки по действию. Еще более отчетливо это значение проявляется в словоформах, в которых временная соотнесенность отсутствует вообще и в научной терминологии: табсантаһан "ступенчатый" (табсанта= "быть ступенчатым"), багтаһан мат. "вписанный" (багта= "вмещаться", "входить").

Рассмотренные выше примеры семантической эволюции суффиксов демонстрируют следующие пути, которыми она осуществляется. 1. Развитие и усиление обобщенно-грамматического значения первоначального конкретного значения какого-либо суффикса. 2. Расширение сферы применения суффикса, употребление его с большим количеством семантических групп, связанных общими чертами, но постепенно изменяющимися от группы к группе, что приводит к качественному сдвигу в самой семантике суффикса и, в свою очередь, ведет к возможности его употребления уже с совершенно иными группами слов, независимо от их семантики. 3. Эволюция суффикса может быть результатом перехода словоформы из одного грамматического разряда в другой, например, при адъективации причастий или атрибутивном употреблении существительных, что ведет за собой возникновение у соответствующих суффиксов нового качества.

Именно семантическая эволюция приводит к таким распространенным явлениям, как полифункциональность и поливалентность.

2. П о л и ф у н к ц и о н а л ь н о с т ь. Это свойство суффиксов определяется как способность одного и того же суффикса функционировать как в роли словообразовательного форманта, так и в роли формообразующего и/или словоизменительного форманта. Вместе с тем полифункциональность включает в себя и способность одного и того же суффикса образовывать слова, относящиеся к различным грамматическим разрядам слов — существительным, прилагательным, наречиям и т.п. Анализируя эти две стороны полифункциональности необходимо принимать во внимание тот факт, что сами словообразовательные суффиксы обладают как

собственным (индивидуальным) значением, определяющим грамматическую категорию производного слова. Этими же двумя значениями или одним из них, в разных случаях и в различной степени, обладают формообразующие и словоизменительные форманты. Соотношение, взаимосвязь и взаимовлияние этих двух значений — индивидуального и категориального — определяет характер функционирования каждого суффикса.

В данном разделе подробно анализируется возникновение различных типов полифункциональности. Так, например, эвенкийский суффикс *-кан* функционирует в качестве формообразующего (уменьшительно-ласкательного) форманта, но может выступать и в роли словообразовательного суффикса. Вместе с тем он передает и ряд оттенков таких значений, как сравнительно-усилительное, уступительное и некоторые другие.

На примере анализа бурятского суффикса *-уур* (*-уул*) демонстрируется переход от функции словообразования имен существительных к образованию прилагательных. Этот переход осуществляется в результате развития переносных значений, а также через возникновение синкретических форм типа существительное/прилагательное: *гасуур* "препятствие, тормоз" и перен. "упрямый" от *гасаха* "препятствовать, тормозить"; *доржогонуур* "болтун/болтливый".

Переход словоизменительного форманта в словообразовательный демонстрируется примером бурятского суффикса *-аар* — показателя орудного падежа. При присоединении к именам прилагательным (в бурятском языке не склоняющимся) этот суффикс образует наречия образа действия. При этом в производной словоформе могут возникать семантические изменения, что характерно именно для словообразования, но невозможно при склонении: *дорой* "слабый, плохой" — *доройгоор* "позорно, унижительно, оскорбительно".

Дальнейшее развитие суффикса *-аар* уже в качестве словообразовательного форманта идет по пути расширения сферы употребления. Он может присоединяться к глаголам, местоимениям, числительным, усилительным словам и частицам, послелогам и союзам.

Аналогичным свойством, т.е. способностью образовывать наречия, обладают и эвенкийские форманты творительного падежа *-т*, *-ди*: *бэкит* "крепко" от *бэки* "крепкий". Общей чертой данных формантов в обоих языках является их инструментальное значение

в качестве падежного форманта и значение образа действия в качестве словообразовательного суффикса наречий.

В роли словообразовательных суффиксов наречий в эвенкийском и бурятском языках выступают также форманты локативных падежей.

Рассмотренный в данном разделе материал дает возможность сделать следующие выводы. Основными моделями развития полифункциональности является переход словообразовательных формантов в словоизменяемые, а также формообразующих в словообразовательные. Более редким случаем является переход от словоизменяемого значения к словообразовательному и возникновение у словообразовательных и словоизменяемых формантов формообразующих значений, выражающихся в придании словоформе каких-либо оттенков (сравнительных, усилительных и пр.).

В основе описанных переходов лежит семантическая эволюция формантов, расширение сферы их употребления, лексикализация словоформ с какими-либо формантами и, иногда, возникновение переносных значений. Одним из примечательных путей перехода форманта из одного качества в другое является также переход через синкретические формы. Критериями возникновения нового, самостоятельного значения у какого-либо форманта может служить изменение семантики всей словоформы (независимо от перехода ее из одного грамматического разряда в другой), а также сам факт "перевода" словоформы в иную грамматическую категорию с какими-либо семантическими изменениями либо без таковых.

3. П о л и в а л е н т н о с т ь. В применении к значащей части слова — суффиксу, валентность можно определить как способность данной морфемы присоединяться к словам, относящимся к различным грамматическим разрядам слов. Поскольку многие суффиксы способны выступать не в одной, а в двух и более функциях, то в каждой из этих функций возможен определенный, отличный от других, набор грамматических категорий слов, к которым данный суффикс способен присоединяться. Исходя из этого можно разделить функциональную валентность, т.е. валентность, проявляющуюся в какой-либо одной функции данного форманта (например, только в словообразовательной или только в формообразующей). Функциональная валентность, в свою очередь, в зависимости от ее характера, подразделяется на словоизменятельную, словообразователь-

ную и формообразующую. Сумма валентностей в каждой из функций, т.е. сумма всех функциональных валентностей, составляет полную или общую валентность данного суффикса. Функциональная валентность, в зависимости от разряда слов, с которыми она реализуется, обозначается нами как номинативная, адъективная, вербальная, адвербиальная и т.п. Для количественной характеристики валентности суффиксов возможны такие определения, как одновалентные, двухвалентные и т.п. Если один и тот же формант может образовывать большое количество прилагательных от существительных и лишь в единичных случаях образует прилагательные от глагольных основ, то в первом случае его валентность может быть охарактеризована как продуктивная, а во втором — как непродуктивная. Если же какой-либо формант выступает преимущественно в функции одного из трех видов суффиксов, то его валентность в данной роли может быть названа основной валентностью. Так, например, основной валентностью суффикса -аар является словоизменительная валентность, которая равна четырем (по числу частей речи, обладающих категорией склонения), а словообразовательная валентность равна восьми.

Далее в главе проводится анализ специфики валентности словоизменительных формантов, чья основная валентность является величиной постоянной; сравнивается валентность однотипных формообразующих суффиксов в эвенкийском и бурятском языках, что выявляет их существенные различия в этом плане несмотря на семантическую близость и типологическое сходство. Так, например, общая валентность бурятского суффикса -хан равна двенадцати, в то время как общая валентность эвенкийского -кан, аналогичного по семантике (уменьшительной) бурятскому -хан, равна девяти.

Валентность словообразовательных суффиксов обладает своей спецификой, связанной с их полифункциональностью, в связи с чем необходимо ввести понятие категориальной валентности, учитывающей какие именно части речи образуются данным формантом. Например, если какой-либо словообразовательный суффикс образует существительные от существительных и прилагательных, то его категориальная валентность будет равна двум. Если этот же суффикс образует прилагательные от существительных, наречий и глаголов — его категориальная валентность равна трем. Тогда общая валентность суффикса будет равна пяти, а функциональная — четы-

рем, так как номинативная валентность совпадает в двух функциях.

Валентность является неотъемлемым признаком каждого суффикса и ее определение необходимо для его качественной и количественной характеристики. Валентность суффиксов неразрывно связана как с семантической эволюцией, так и с полифункциональностью формантов. С одной стороны, увеличение валентности является следствием развития полифункциональности суффиксов, но и, в свою очередь, развитие валентности создает предпосылки для возникновения новых функций у суффиксов.

Валентность может служить также критерием более точного и последовательного определения иерархии суффиксов по степени их продуктивности, а сравнение валентностей генетически родственных формантов внутри языков одной группы позволяет выявить специфику эволюции морфем в каждом из них. Характер валентности необходимо учитывать также при сравнительно-исторических и типологических исследованиях предположительно родственных формантов.

4. Д е с е м а н т и з а ц и я. Десемантизации суффиксов, т.е. утрата ими как категориального, так и собственного значения, явление, имеющее существенное значение для языкового развития, поскольку проникает в различные сферы структуры языка и тесно связано с рядом других явлений.

В эвенкийском и бурятском языках факты десемантизации можно разбить на две принципиально различные группы. В первую группу входят суффиксы, полностью омертвевшие и не несущие какой-либо семантической нагрузки в современном языке. Во вторую — суффиксы, которые в сочетании с одними основами оказываются омертвевшими, а с другими — живыми словообразовательными формантами. Подобные случаи представляют собой основную разновидность этого явления. Однако имеются случаи и окказиональной десемантизации, например, при переходе слова из одной части речи в другую: бур.: ган "засуха" — ганда = "засыхать" и гандаса "засушливость". В последнем примере суффикс -да утрачивает свое категориальное значение. Десемантизация наблюдается и при каких-либо семантических сдвигах в основе слова или же во всей словоформе, возникновении переносных значений, случаях метафорических употреблений и т.п.

Следствием десемантизации является появление вариантов суффиксов и сложных суффиксов с новым значением, что рассматривается более подробно во второй главе данной работы.

5. Взаимовлияние морфем словоформы. При изучении морфологической структуры слова или же процессов словообразования все внимание, как правило, уделяется влиянию суффикса на основу слова. Однако в алтайских языках прослеживается и обратное влияние - влияние основы на семантику суффикса, что до сих пор не являлось предметом исследования.

Наиболее отчетливо влияние основы на семантику суффикса проявляется при присоединении формообразующих формантов к основам различных грамматических категорий. Например, бурятский суффикс -хан в сочетании с существительным реализует свое уменьшительное значение, а с прилагательными - ласкательное: гэрхэн "домик" и дулаахан "тепленый". Однако в сочетании с некоторыми прилагательными этот суффикс передает значение уточнения или преувеличения - адлихан "совершенно одинаковый", неполноты качества - жэгтэйхэн "странноватый". При присоединении к наречиям суффикс -хан часто приобретает усилительное значение - эртэхэн "очень рано", "ранехонько", а в сочетании с местоимениями и числительными передает ограничительное значение: хэдэхэн "всего лишь несколько", хоёрхон "только два". Сходные явления обнаруживаются и в эвенкийском языке.

Вместе с тем, в целом, влияние категориального значения основы и ее семантики на суффикс, явление менее распространенное, чем обратное воздействие. В процессе суффиксального слово- и формообразования в семантике основы могут происходить семантический сдвиг, сужение первоначального значения основы или же его расширение. Далеко не все семантические изменения в производном слове можно связывать с влиянием суффикса на основу. Не являются таковыми "приращенные" значения, связанные с внелингвистическими факторами, некоторые виды переносных значений. Граница между переносным значением и собственно семантическим сдвигом может быть нечеткой. Критерием для классификации может служить наличие в переносных значениях некоторой метафоричности. Так, значение бур. слова аматай "говорливый", "болтун" от аман "рот" является метафоричным, в то время как значение слова аршуул "тряпка", "полотенце" от арша= "чистить";

"вытирать" метафоричным не является, а представляет собой логический перенос наименования действия на предмет, которым данное действие осуществляется (показателем данного перехода (для переноса) является суффикс -уул). Собственно семантический сдвиг представляет собой переход (или перенос) двух типов: логический и ассоциативный. Одновременно с семантическим сдвигом наблюдаются и такие явления, как расширение объема значения, когда от одного исходного значения производящей основы у производной словоформы образуется несколько различных значений, и противоположное явление - сужение значения, когда от многозначной основы образуется слово с узко-специализированным значением.

Семантический сдвиг при образовании прилагательных и наречий характеризуется резким повышением степени абстрагированности производной словоформы по сравнению с исходной: при образовании существительных подобного разрыва по степени конкретности/абстрактности не наблюдается. Высокая степень абстрагированности производного слова характерна и для наречий. Тенденция к усилению абстрактности в значениях словоформ при семантическом сдвиге вполне соответствует общей направленности в развитии разных сторон языка, в частности и семантической эволюции самих суффиксов, которая идет в том же направлении - от конкретных значений к более обобщенным. В данном случае особую значимость приобретает то обстоятельство, что в примерах с семантическим сдвигом отчетливо выявляется вторичность обобщенного, абстрактного значения, возникающего при суффиксации. Вторичность абстрактных значений неоднократно подтверждалась различными примерами и будет рассмотрена в более широком плане в следующей главе.

Глава II. Качественная и структурная классификация суффиксов. Существующая классификация суффиксов построена на функциональной основе. Последовательная семантическая классификация их затрудняется ввиду взаимодействия семантики основ и семантики самих суффиксов. Вместе с тем классификация суффиксов по каким-либо параметрам, присущим самим суффиксам, но не зависящим от семантики основ, представляется необходимой.

I. Качественная классификация. В основу качественной классификации суффиксов положена степень

собственной семантической конкретности/абстрактности суффикса. При таком подходе все суффиксы распределяются по трем группам: 1. Суффиксы с конкретной семантикой, 2. Суффиксы с отвлеченно-лексической семантикой, 3. Суффиксы с отвлеченно-грамматической семантикой.

Конкретной семантикой обладают суффиксы безличной и личной принадлежности в эвенкийском и бурятском языках (например, бур. суффикс -аа, передающий значение "свой"). Суффиксы этой группы не оказывают влияния на грамматическую категорию и семантику основы. Суффиксы второй группы являются носителями отвлеченно-лексической семантики: например, эвенкийский суффикс -рук, образующий слова с обобщенным значением "вместительство чего-либо" (инмэ "игла" - инмэрук "игольница"). Эти суффиксы могут изменять и семантику и грамматическое значение основы. Наиболее типичными носителями отвлеченно-грамматического значения суффиксов третьей группы являются падежные форманты, передающие отношения между словами и, также, как и суффиксы первой группы, не влияющие на семантику основы. Однако и внутри этой группы среди падежных формантов обнаруживаются некоторые различия в степени абстрактности. Так, значения суффиксов родительного и винительного падежей обладают более высокой степенью отвлеченности, чем значения локативных падежей, в суффиксах которых прослеживаются следы значений полноценных слов, послуживших основой для формирования этих показателей.

2. В а р и а н т ы и в и д ы с у ф ф и к с о в. К вариантам суффиксов относятся прежде всего фонетические варианты, являющиеся следствием действия закона сингармонизма. Другой тип фонетических вариантов представляет собой форманты с изменениями согласных или гласных, с добавлением вставных согласных на стыке морфем. Третьим типом фонетических вариантов можно считать все диалектные варианты суффиксов. Все эти фонетические варианты семантически и функционально равноценны и не различаются по своему воздействию на семантику основы.

Структурно все суффиксы подразделяются на простые и сложные. Простые суффиксы представляют собой единые и неразложимые на составные элементы звуковые комплексы. Сложные суффиксы допускают разделение на слагающие их элементы и могут быть классифицированы на основе качественных характеристик и соотноше-

ний этих элементов в данной морфеме. Такая классификация дает общее представление о сложных суффиксах и не учитывает их семантических особенностей, благодаря которым можно установить, с одной стороны, степень слитности сложного суффикса или, с другой стороны, степень самостоятельности каждого из элементов сложного суффикса.

Сложные суффиксы подразделяются на составные и слитные по характеру происходящих в них семантических взаимовлияний. Эта взаимосвязь является составной частью более общей проблемы взаимовлияния морфем в словоформе. Слитные суффиксы характеризуются более прочной связью между составляющими элементами, что выражается в полной десемантизации одного или обоих формантов и возникновении нового значения, не являющегося суммой двух значений исходных элементов. Для составных суффиксов характерна большая самостоятельность каждого из их элементов, неполная их десемантизация, т.е. сохранение семантики и/или категориального значения, благодаря чему по своему характеру они приближаются к сочетаниям суффиксов, в то время как слитные форманты более близки к вариантам суффиксов второго и третьего типов. В качестве примеров сложных (слитных и составных) суффиксов в разделе рассматриваются суффиксы бур.: -даһан, -лтай, -шагуй, -айхид; эвенк.: -дулий, -лдивуйн, -макта и др.

Показателем самостоятельности сложных формантов служат как расширение семантического круга слов, с которыми они употребляются, так и отдельные случаи семантического сдвига в производных словоформах, вызванных их присоединением.

3. С о ч е т а н и я с у ф ф и к с о в. В разделе рассматриваются сочетания формантов, близкие или приближающиеся к сложным суффиксам, и, таким образом, представляющие собой переходные формы между сложными формантами и сочетаниями самостоятельных суффиксов. В отличие от сложных суффиксов, при сочетании двух и более формантов не происходит полной их десемантизации, хотя часто наблюдается частичная десемантизация, например, потеря собственной семантики при сохранении категориального значения. Возможно и обратное явление - сохранение собственной семантики при потере категориального значения.

Анализ фактического материала, проведенный в данной главе,

позволяет прийти к ряду следующих выводов. Вопреки общепринятому мнению, в агглютинативных языках при присоединении к основе нескольких суффиксов далеко не всегда каждый из этого ряда суффиксов привносит в словоформу какое-либо дополнительное значение. В производной словоформе часто основная смысловая нагрузка приходится на последний формант, который играет решающую роль в формировании категориальной принадлежности словоформы. Некоторые из последних суффиксов в сочетаниях десемантизируются. При этом десемантизация может быть полной или же частичной. Потеря семантики чаще наблюдается у суффиксов с отвлеченно-лексической семантикой. Чем выше степень отвлеченности форманта, тем сильнее ее влияние на всю словоформу. Очевидно, именно этим и объясняется тот факт, что соединение нескольких суффиксов последовательно повышает степень абстрактности словоформы в целом, т.е., даже теряя собственное значение при десемантизации, суффикс сохраняет, хотя бы и частично, свое категориальное значение, которое вместе со значениями других формантов оказывает влияние на всю словоформу.

Десемантизированные словообразовательные форманты могут также играть роль переходного элемента, заменяющего недостающую валентность последующего словообразовательного суффикса.

Влияние сочетания суффиксов на основу приводит к семантическим сдвигам такого же рода, как и влияние одного форманта. Крайней степенью семантического сдвига является лексикализация словоформы и возникновение переносного значения. Оба эти явления оказывают, в свою очередь, влияние на сочетание суффиксов, которые при этом десемантизируются и могут быть выделены только посредством этимологического анализа.

В целом, по своим основным и самым общим характеристикам сочетания суффиксов оказывают такое же влияние на основу, как и отдельный суффикс. Именно поэтому, в определенных условиях, сочетания суффиксов способны превращаться в сложные (составные, а затем и слитные) форманты.

Глава III. Суффиксация и формирование частей речи. При выделении в языке каких-либо частей речи основным и самым веским аргументом для выделения самостоятельной грамматической категории обычно признается наличие формантов, присущих именно данной категории. При отсутствии таких показателей вообще или

при функционировании одного показателя в двух (или более) качествах неизбежно возникают сомнения в определении принадлежности тех или иных словоформ к той или иной категории. Однако учитывая тот факт, что морфологическое оформление слов не могло существовать изначально ни в каком языке, а явилось следствием достаточно длительной эволюции, можно попытаться проследить некоторые этапы формирования грамматических разрядов слов, а также определить ту роль, которую играет в этом процессе суффиксация. В данной главе рассматривается формирование таких грамматических разрядов слов, как имена прилагательные, существительные и наречия.

1. Синкретические формы. С функциональной точки зрения синкретические формы подразделяются на четыре типа: существительное/прилагательное, прилагательное/наречие, существительное/наречие, существительное/прилагательное/наречие. В количественном отношении наиболее обширными группами являются синкретические формы типа существительное/прилагательное и прилагательное/наречие.

При анализе конкретных примеров каждого из этих типов рассматриваются производные и непроизводные синкретические формы, определяются лексико-семантические группы слов, обладающие свойствами синкретизма, выделяются ведущие значения в различных лексических группах. Анализируются также пути возникновения некоторых видов синкретических форм и обосновывается возможность их формирования. Особый интерес представляют случаи развития семантических сдвигов и переносных значений в одной из функций синкретического слова.

Типологическая классификация и анализ семантики синкретических форм как бурятского, так и эвенкийского языков позволяет сформулировать ряд следующих выводов. Синкретические формы современных языков вторичны и не являются именно теми синкретическими словами, которые существовали на начальном этапе формирования языков. Вместе с тем само явление синкретизма типологически повторяет первоначальное, оно воспроизводилось и продолжает воспроизводиться в современных языках, о чем свидетельствует как наличие производных синкретических форм, так и возникновение подобных форм от поздних заимствований.

Синкретизм тесно связан с семантикой слов и, в зависимости

от семантики, в подавляющем большинстве случаев, конкретная синкретическая форма тяготеет к одному из грамматических разрядов слов — существительному, прилагательному или наречию. В количественном отношении наблюдается уменьшение числа синкретических форм по мере увеличения степени абстрагированности, обобщенности в семантике словоформы.

Явление синкретизма в современных языках является самостоятельным лексико-грамматическим явлением, служащим целям словообразования наряду с суффиксацией. Подтверждением этого является как сам факт перехода словоформы из одного грамматического разряда в другой, так и возникновение такого явления как семантический сдвиг, что происходит и при суффиксальном словообразовании.

Архаичные синкретические формы в результате своей развивающейся полифункциональности (от наименования объекта через характеристику объекта к характеристике действия) заложили основу формированию грамматических разрядов слов, требуя более отчетливого обозначения конкретной словоформы в одной ее функции. Эта тенденция к выявлению одного определенного грамматического значения сохранилась и у современных синкретических форм, что подтверждается фактами подкрепления грамматического значения соответствующим формантом.

2. Этапы формирования частей речи. Предпосылки к дифференциации слов по различным грамматическим разрядам заложены уже в самой семантике синкретических форм. Если считать, что в этом отношении синкретические формы современного языка сходны с первичным синкретизмом праязыка, то можно попытаться реконструировать последовательные этапы выделения и образования морфологически оформленных грамматических разрядов слов, а также проследить различия некоторых аспектов этого развития внутри какого-либо одного разряда в отдельных языках.

Начальная дифференциация современных синкретических форм связана как с отношениями реальных связей предметов, их зависимостей, так и с собственно лингвистическими факторами. Так, в бурятском слове модон "дерево/деревянный" грамматическое значение существительного, обозначающего предмет, определяется наличием данной реалии в самой природе. Значение имени при-

лагательного в этом слове может возникнуть, видимо, лишь тогда, когда данный предмет начинает использоваться в качестве материала для изготовления другого предмета (оружия, инструмента, хозяйственной утвари и т.п.). Если же это условие не соблюдено, то дифференциация грамматических значений оказывается излишней. В таком случае развитие могут получать лишь значения слова внутри одной грамматической категории, например, значения того же слова модон – не только "дерево", но и "лес", "бревно", "палка". При дифференциации грамматических значений синкретического слова важную роль играет и степень конкретности/абстрактности в семантике существительного и прилагательного. Так, если в слове гашуун "горький/горечь" значение "горький" – это обозначение непосредственного вкусового ощущения от какого-либо конкретного предмета, то гашуун "горечь" – это обобщенное обозначение качества, абстрагированное от конкретного вещества и мыслящееся предметно.

Этот этап дифференциации грамматических значений, создающий предпосылки для дальнейшего развития и закрепления возникающих различий, можно назвать семантическим этапом, поскольку вся дифференциация связана с собственным значением самого слова.

Второй этап можно определить как синтаксический, поскольку семантические предпосылки к дифференциации частей речи получают подкрепление, связанное с позиционными взаимоотношениями словоформ. Закрепление определяющего слова в позиции перед определяемым не только вело к возникновению разряда имен прилагательных, но и способствовало более четкому отграничению и формированию самих существительных.

Следующим этапом эволюции имен прилагательных как самостоятельного грамматического разряда слов является подкрепление грамматического значения средствами морфологии, почему этот этап и можно назвать морфологическим. Именно на этом этапе возникают словособразовательные и формообразующие суффиксы имен прилагательных. Суффиксация одновременно и способствует формированию разряда прилагательных, обогащает данный разряд различными формантами, позволяющими точнее и дифференцированнее передавать различные оттенки качества предметов и, затем, позволяет расширять круг имен прилагательных, переводя в этот

разряд слова, принадлежащие к другим грамматическим разрядам.

Выделение наречий в самостоятельную грамматическую категорию проходило в рамках тех же трех этапов. Предпосылкой к формированию наречий послужило такое явление, как широко распространенное в монгольских языках повторение начальных звуков или слогов. Эти повторяющиеся элементы приобрели дополнительную семантическую нагрузку и стали выступать в роли своеобразных усилительных слов или частиц перед ними.

Синтаксический этап формирования наречий характеризуется существованием форм типа прилагательное/наречие, семантика которых позволяет им функционировать как в роли определений к именным формам, так и к глаголам. Для синтаксического этапа характерно употребление наречий в качестве признака действия, в то время как синкретические "корневые" наречия характеризовали прежде всего имена прилагательные. Синтаксический этап формирования наречий выражен менее явно, чем у прилагательных, и не имел такого большого значения для данного грамматического разряда. На этом этапе могло происходить возникновение наречий непосредственно из прилагательных, получивших возможность употребления в функции определения к глаголам.

Морфологический период развития наречий растянут по времени, и среди производных наречий можно выделить достаточно древний слой исторически производных наречий, которые с точки зрения современного языка являются морфологически неделимыми. Более поздняя и многочисленная часть этого разряда слов образовывалась и пополнялась на морфологическом этапе.

В целом суффиксация оказывается способом закрепления и выявления семантических качеств и свойств, изначально присущих некоторым синкретическим формам, а также фактором, расширяющим сферу функционирования слова в речи и сообщающим большую степень отвлеченности словоформе.

Заключение. Изложенный в настоящей работе материал дает возможность сделать выводы как частного, так и более общего характера. Частные выводы относятся к собственно эволюции суффиксов, заключающейся в семантическом и грамматическом их развитии. Выражено это развитие, в первую очередь, в возникновении полифункциональности и поливалентности, базирующейся на расширении круга словоформ, в состав которых могут включаться

данные форманты. Увеличение числа семантических групп слов, к которым присоединяются отдельные суффиксы, ведет к усилению отвлеченно-грамматического значения суффиксов, что приводит к возможности присоединения одних и тех же формантов к словам не только различных семантических групп, но и к словам других грамматических разрядов.

В свою очередь, развитие полифункциональности и поливалентности оказывает влияние на семантику суффикса и его принадлежность к тому или иному виду формантов (формообразующим, словоизменительным, словообразовательным). Таким образом, семантическая эволюция, заключающаяся в развитии полифункциональности и поливалентности и основанная на усилении отвлеченного значения форманта, оказывается результатом взаимовлияния семантики основы и семантики самого суффикса.

Такое явление как десемантизация суффиксов не оказывает прямого влияния на семантику всей словоформы, но ее результатом может быть возникновение сложных, а затем и слитных формантов, впоследствии обособляющихся в своем развитии и приобретающих новое значение. Очевидно, именно при десемантизации суффиксов с большой степенью вероятности могут возникать такие фонеморфологические сдвиги, как слияние и выпадение согласных, выпадение и стяжение гласных, регрессивное влияние гласных друг на друга и на предшествующие согласные.

Поскольку, как уже отмечалось выше, именно взаимодействии значений корневой и суффиксальной морфем оказывается тем стержнем, вокруг которого формируется вся формообразующая, словообразовательная и словоизменительная система языка - структура этой системы в целом оказывается отражением индивидуальной поэтапной эволюции самих суффиксов. То есть выявленные три группы суффиксов (с конкретной семантикой, с отвлеченно-лексической семантикой и с отвлеченно-грамматическим значением) соответствуют этапам эволюции отдельных значащих единиц языка - от самостоятельного слова с конкретным значением вплоть до формального грамматического показателя. При этом необходимо отметить, что эти этапы являются не следствием развития многозначности исходной единицы, а многозначность представляет собой итог самостоятельной ее эволюции.

Функционирование некоторых суффиксов одновременно в двух

или трех выявленных группах не только свидетельствует о полифункциональности и об относительной самостоятельности самих суффиксов, которая приписывается агглютинативным формантам, но также и о некоторых других, более широких явлениях, присущих рассматриваемым языкам. Эти явления можно характеризовать как стабильность отдельных значений суффиксов и стабильность способов передачи некоторых видов информации. Стабильность значений суффиксов состоит в том, что с возникновением более обобщенных значений у какого-либо форманта его первичное конкретное значение не обязательно должно исчезнуть. Оно продолжает сохраняться в других условиях (с иными основами, в иной функции и т.п.). Разумеется, такая стабильность значений характерна не для всех формантов, а лишь для некоторой их части.

Стабильность способов передачи необходимой информации была проиллюстрирована примерами, связанными с функционированием синкретических форм. Так, закрепление функции имени прилагательного путем постановки синкретической формы перед определяемым продолжает оставаться средством дифференциации грамматических категорий и после того, когда в языке уже выработаны и морфологические показатели грамматических разрядов. Именно в этом состоит отличие собственно синкретических форм от форм, возникших путем субстантивации, адвербиализации и других случаев конверсивного употребления производных форм.

В сущности, этот же способ формирования нового грамматического значения демонстрируется языком и, например, при переходе форманта родительного падежа в словообразовательный суффикс имен прилагательных: употребление ряда словоформ в форме родительного падежа в определительной функции (тоже в позиции перед определяемым) ведет к возникновению нового качества не только у всей словоформы, но и у самого суффикса. Тесная связь форманта родительного падежа со словообразованием имен прилагательных не является исключительной особенностью бурятского языка, а носит, очевидно, более общий характер.

К фактам стабильности однажды выработанных способов выражения грамматических значений относится и воспроизводство собственно синкретических форм наряду с развитием морфологических средств дифференциации грамматических разрядов слов.

Таким образом, в систему суффиксации языка оказываются включенными способн и средства передачи различного рода значений, возникающие на разных этапах эволюции. Основываясь на этом факте, а также учитывая, что суффиксация является весьма существенной частью языка, можно прийти к ряду заключений более широкого плана, связанных с системным характером языка в целом.

Системность языка является фактом несомненным и общепризнанным. При изучении языка в первую очередь фиксируются именно те элементы, которые носят наиболее общий и непротиворечивый характер. Однако при более глубоком изучении того же языка в нем неизбежно обнаруживаются факты, либо не укладывающиеся в систему, либо противоречащие этой системе. Существование подобных фактов совершенно естественно и оправдано тем обстоятельством, что язык, и это тоже общеизвестно, представляет собой не застывшую систему с раз и навсегда определившимися набором средств и с жесткими взаимосвязями между этими средствами, а систему, находящуюся в процессе постепенного изменения. Именно поэтому можно считать, что язык представляет собой не только, а может быть, и не столько систему, но и процесс, формирующий и воспроизводящий эту систему.

С этой точки зрения наличие в языке несистемных, а по сути своей переходных явлений оказывается естественным и неизбежным. Именно неясные, переходные формы, будь это единичные суффиксы с двойственными функциями или целые классы слов, не укладывающиеся в существующие грамматические разряды, оказываются своего рода соединительной тканью, связывающей более определенные и разнохарактерные элементы системы и, в конечном счете, также оказывающиеся элементами системы и создающие эту самую систему.

Будучи саморегулирующейся системой и представляя собой нечто целое на любой стадии своего существования, язык в процессе развития создает свои механизмы приспособленными для целого, но не его готовые части определяют функционирование всей системы.

При таком подходе к описанию те многочисленные дискуссионные факты и явления, которые рассматриваются в работе, оказываются включенными в описание общего процесса развития, как

закономерные этапы эволюции языка и частных языковых подсистем. более того, именно эти неоднозначные факты позволяют проследить и выявить процесс формирования структуры языка. И основанием этого процесса и его движущей силой оказывается именно семантика.

Предпринятая в реферируемой работе попытка рассмотрения содержательной стороны агглютинативных формантов в процессе их эволюции может послужить основой для выявления специфических групп или подгрупп внутри языков, относящихся к разряду агглютинативных. В первую очередь аналогичная работа может быть представлена на материале других тунгусо-маньчжурских и монгольских языков, что будет служить выявлению сходства или различия путей функционально-семантического развития суффиксального способа словообразования, словоизменения и формообразования в языках этих двух групп. Количество самих формантов, семантическая эволюция которых может быть выявлена, можно существенно увеличить при сопоставительном изучении идентичных суффиксов в различных языках одной группы.

Между формантами языков различных групп, идентичных по своей семантике и функциям, возможны сопоставительно-типологические исследования, учитывающие все те параметры, по которым производилось описание суффиксов в первой главе реферируемой работы. Подобное описание можно проводить параллельно со сравнительно-историческими исследованиями формантов, в которых основным предметом изучения является фонетическая реконструкция праформ, общих для различных алтайских языков. В этом случае такие характерные признаки формантов, как тип их семантической эволюции, сферы функционирования, валентность могут служить дополнительным подтверждением правомерности сведения предположительно родственных формантов к одной общеалтайской праформе.

Детальное исследование семантической эволюции суффиксов и всех сопутствующих этой эволюции явлений в других языках позволит ответить на вопрос, является ли вся система данных фактов принадлежностью только алтайских языков, или же подобная взаимосвязанная система явлений оказывается неотъемлемой принадлежностью всех языков агглютинативного строя. Если эта система характерна лишь для алтайских языков и отсутствует в дру-

гих, то этот факт является веским аргументом в пользу генетического родства алтайской языковой общности. Отсутствие существенных различий будет свидетельствовать лишь о единстве содержательной стороны агглютинативного способа суффиксации.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

1. О безлично-притяжательных формах имени в монгольских языках // Исследования по грамматике языков народов СССР. М., 1975. С. 177-188.
2. Качественные наречия в баунтовском говоре эвенкийского языка // Языки и топонимика. Вып. 5. Томск, 1977. С. 94-104.
3. О некоторых способах образования определительных наречий в монгольских языках // Учен. зап. Тартуского гос. университета. Труды по востоковедению. Т. IV. № 455, С. 109-118.
4. О некоторых непроеизводных наречиях в бурятском языке // Проблемы грамматического строя языка. М., 1978. С. 170-183.
5. О некоторых оттенках значений уменьшительных суффиксов в бурятском языке // Проблемы фонетики, диалектологии и истории языка. М., 1978. С. 188-192.
6. Непроеизводные наречия в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках // Вопросы грамматической системы монгольских языков. Элиста, 1980. С. 32-39.
7. Суффиксы эвенкийских прилагательных -рин и -чй // Функциональный анализ языковых единиц. М., 1983. С. 226-234.
8. Место наречных слов и частиц в системе частей речи бурятского языка // "Вопросы языкознания", 1984, № 3. С. 88-98.
9. Семантическая эволюция суффикса -тай в бурятском языке // Всесоюзная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения академика Б.Я.Владимирцова. Тезисы докладов. М., 1984. С. 125-127.
10. Семантическая характеристика эвенкийского суффикса -пчу // Историко-типологическое изучение разносистемных языков. М., 1984. С. 217-222.
11. Развитие эвенкийских и бурятских прилагательных // Исследование по грамматике и лексике монгольских языков. Элиста, 1985, С. 79-86.
12. Об эволюции агглютинативных суффиксов (на материале эвенкийского и бурятского языков) // "Вопросы языкознания", 1985, № 2. С. 104-113.

13. Лексико-семантическая классификация синкретических форм в монгольских языках // Вопросы советской тюркологии. Тезисы докладов и сообщений. Алшхабад, 1985. С. 72-74.

14. Семантика синкретических форм эвенкийского языка // Актуальные вопросы языков народностей Севера. Якутск, 1986. С. 108-111.

15. Качественная классификация суффиксов бурятского и эвенкийского языков // Социальное и системное на различных уровнях языка. М., 1986. С. 230-233.

16. О синкретизме основ некоторых частей речи в бурятском языке // Грамматическое своеобразие бурятского языка. Улан-Удэ, 1987. С. 18-28.

17. О поливалентности суффиксов бурятского языка // V Международный конгресс монголоведов. Улан-Батор, сентябрь, 1987. Доклады советской делегации. Т. I. М., 1987. С. 195-201.

18. Влияние основы на семантику суффикса в бурятском и эвенкийском языках // Общие и специальные вопросы языковой типологии. М., 1987. С. 170-174.

19. Форманты родительного падежа в роли словообразовательных суффиксов в бурятском языке // Структура языка и языковые изменения. М., 1985. С. 202-208.

20. Семантические основы синкретизма в тюркских и монгольских языках // Тюркология-88. Тезисы докладов и сообщений V Всесоюзной тюркологической конференции. Фрунзе, 1988. С. 125-126.

21. Суффиксальная синонимия в бурятском языке // Проблемы монгольской филологии. Элиста, 1988. С. 10-24.

22. Наречие в монгольских языках в сравнении с другими алтайскими языками // Грамматические исследования по отдельным алтайским языкам. Л., 1989. С. 93-195.

Подписано к печати 31.10.89 . Заказ 1694 . Тираж 150
формат бумаги 60x84 1/16, 1,5 печ.л. Бесплатно.

ПО - 3 "Ленуприздата".

191104 Ленинград, Литейный пр., дом № 55.